

Субъект в мире социальных конструкций

*Е.О. Труфанова, к.ф.н., доцент, ведущий научный сотрудник,
руководитель сектора теории познания Института философии
РАН*

Основной целью моего доклада является критическое рассмотрение подхода к проблеме субъекта с точки зрения такого направления в современной философии и науках о человеке как социальный конструкционизм. В данном ключе проблему субъекта предполагается рассматривать в двух аспектах – субъекта как *Я* и как личности с одной стороны, и субъекта научного познания с другой.

Прежде всего, следует сказать, что я понимаю под социальным конструкционизмом, поскольку это позволит прояснить специфику данного направления относительно конструктивистского подхода в целом.

Социальный конструкционизм является определенным подходом, используемым в социальных и гуманитарных науках, прежде всего – в психологии, эпистемологии и философии науки, социологии научного знания. Этот подход, как правило, противопоставлен позиции эпистемологического и научного реализма и предполагает сильную зависимость наших знаний о мире от социокультурных обстоятельств, в которых эти знания получают. Центральным понятием социального конструкционизма является понятие социальной конструкции. С конструктивизмом социальный конструкционизм роднит представление о том, что мир не может быть постигнут таким, какой он есть, мы конструируем наши знания о мире, исходя из наших познавательных возможностей, а не исходя из сущностного устройства мира. Однако социальный конструкционизм обладает некой спецификой, которая позволяет выделять его из конструктивистского подхода к целому.

Во-первых, следует принять во внимание мнение тех авторов, которые сами причисляют себя именно к социальным конструкционистам (К.Герген, Дж.Шоттер, Т.Р.Сарбин, Й.Паркер, Р.Харре, Г.Херманс и др.). На названии «конструкционизм», а не «конструктивизм», в частности, настаивает К.Герген, являющийся центральной фигурой социально-конструкционистского подхода. Его обоснование такого различения связано с тем, что термин «конструктивизм» тесно связан с психологической концепцией Пиаже, с которой социальный конструкционизм не имеет почти ничего общего.

Во-вторых, следует заметить, что социальный конструкционизм выступает как зонтичный термин для целого ряда поднаправлений. Представитель одного из них (дискурс-анализа) Джонатан Поттер выделяет до двенадцати принадлежащих к конструкционистскому подходу направлений, к каковым он относит «анализ разговора» или «конверсационный анализ» (conversation analysis), дискурс-анализ (discourse

analysis), этнометодологию, этогенику (ethogenics), феминистские исследования (feminism studies), постструктурализм (post-structuralism), постмодернистскую политологию (postmodern political science), риторику (rhetoric), рефлексивную этнографию (reflexive ethnography), социологию научного знания (sociology of scientific knowledge), социокультурную психологию (socio-cultural psychology) и символический интеракционизм (symbolic interactionism). К этому списку можно добавить также нарратологию (narratology) и нарративную психологию (narrative psychology). Все эти направления используют различные элементы социально-конструкционистского подхода.

В-третьих, социальный конструкционизм, хотя и принадлежит к конструктивистскому подходу, но существенно отличается как от кантовского конструктивизма, так и от радикального социального конструктивизма Э. фон Глазерсфельда, П. Вацлавика и др. Возникновение социального конструкционизма в «чистом» виде как направления в ряде гуманитарных наук (психологии, социологии, философии) относится только к 1970–1980-м гг., когда социальный конструкционизм начинает играть важную роль в переосмыслении предмета и метода психологии. Главное отличие заключается в том, что в социальном конструкционизме главной «конструирующей» силой становится не индивид, не познающий субъект (что характерно для конструктивизма), а общество, система социальных коммуникаций. Наибольшее распространение социальный конструкционизм получает в области социологии и социальной психологии, где он противопоставляется «классической психологии», опирающейся на эмпирическое исследование (бихевиоризм, дифференциальная психология и когнитивная психология). Специфика социального конструкционизма по сравнению с конструктивизмом заключается в том, что если в конструктивизме акцентируется идея конструктивной природы человеческого восприятия, роль индивидуальных конструкторов в познании и понимании мира, языковая и культурно-историческая опосредованность мышления и плюрализм истины, то социальный конструкционизм предполагает более радикальный подход, утверждающий, что проблемы личности, сознания, ментальных процессов и структур не могут быть однозначно приняты как некая реальность, и потому требуется их анализ через анализ языка, дискурса, культурно-исторических практик и социальных интеракций, поскольку лишь так эти структуры и процессы признаются действительными. Социальный конструкционизм, возникший как реформистский подход в социальной психологии, отличается тем, что в нем взаимосвязям языка, коммуникации и социальных практик отводится приоритетная роль в конструировании культуры, сознания и *Я* человека.

Более сложным является различие социального конструктивизма и социального конструкционизма. Их объединяют представления о сконструированной и социальной природе знания, представление о знании как исторически обусловленной интерпретации, порожденной лингвистически и конвенциональной. Очень часто одних и тех же авторов

причисляются либо к социальным конструкционистам, либо к социальным конструктивистам. Если попытаться очень кратко сформулировать различие между социальным конструкционизмом и социальным конструктивизмом, то в первом случае будет делаться основной акцент на слове социальный, а во втором – на слове конструктивизм. Т.е. в социальном конструкционизме главная роль отводится влиянию социокультурных и языковых сообществ на процесс получения и экспликации знания.

Можно попытаться суммировать основоположения социального конструкционизма в нескольких основных тезисах.

1) объективное, непредвзятое знание невозможно, любое знание зависит от **социокультурного контекста**, в котором оно возникает, т.е. любое знание о мире содержит в себе социокультурные установки того, кто продуцирует это знание. Эта позиция, доведенная до крайности, утверждает, что мы вообще не в состоянии говорить о какой-либо реальности за пределами социальных конструкций.

2) важнейшую роль в выражении этого социокультурного контекста играет **язык и языковые практики**. Здесь мы можем проследить синкретическое влияние идей Л.Витгенштейна, У. Сепира и Б.Уорфа, Л.С.Выготского, М.М. Бахтина. Социальные отношения выражаются и транслируются с помощью языка. И реальность представляется как зависящая от того, какими словами мы ее описываем.

3) Поскольку социальный конструкционизм возникает в психологии, особое внимание уделяется проблеме **самосознания человека**. Социальный конструкционизм отрицает какое-либо постоянство самосознания и *Я*, утверждая, что *Я* возникает только как временное образование, которое связано с тем, в какую социальную коммуникацию индивид включен в данный момент. Некоторое подобие единства самости и личности возможно лишь в форме *нарратива* – моей жизненной истории, в которой я рассказываю самому себе и любым другим окружающим меня людям свою биографию, и в ней связываю все отдельно существующие отношения в некое – с точки зрения социального конструкционизма, иллюзорное – единство. Часто высказываются представления о сугубо лингвистической природе *Я*.

4) Социальный конструкционизм подчеркивает, что любое **знание неразрывно связано с социальным действием**. Так, изменение *знания* о каком-либо явлении приводит к изменению социального действия по отношению к этому явлению.

Так, проблема субъекта разворачивается здесь в двух аспектах, как уже об этом было сказано выше.

Во-первых, социальный конструкционизм, вслед за эмпириками Д.Юмом и Э.Махом, а также постмодернистами пытается деконструировать понятие *Я*, стремится избавиться от него. На его замену конструкционисты призывают понятие идентичности, а затем отбрасывают и его, утверждая, что акцент на идентичности идет из традиции психологического эссенциализма, против которой конструкционизм выступает, и, как полагает К.Герген, мы не

должны пытаться объяснять и понимать себя через отсылку к своему внутреннему миру, мотивам или аттитюдам, мы – коллективные, социальные существа, то, что мы называем нашим *Я* и нашей идентичностью, лежит не у нас в головах, а во внешнем мире наших коммуникативных действий. С точки зрения Гергена, «чем раньше мы утратим идентичность, тем скорее мы будем готовы вступить в реальность, обладающую гораздо более богатым потенциалом».

Во-вторых, в социально конструкционистской критике науки мы сталкиваемся с ситуацией, в которой субъект научного познания становится проводником социокультурных дискурсов, в которые он включен, и переносит влияние этих дискурсов на свою научную деятельность. Социальный конструкционизм как правило рассматривается как антиреалистский и релятивистский подход к науке, и любое научное высказывание предлагается трактовать через личность отдельного ученого (или научного сообщества) как перекрестья ряда социокультурных обстоятельств, полагая, что ни о какой реальности за пределами социальных взаимодействий ученых нельзя ничего сказать.

Возникает парадоксальная ситуация: социальный конструкционизм одновременно и ослабляет роль субъекта (самостоятельный субъект не существует, распадается), и с другой стороны усиливает его влияние на результат научного творчества.

Я планирую показать, что подобный подход к субъекту имеет много недостатков. Предлагая отказаться от *Я*, конструкционисты утверждают, что *Я* – это только продукт нашей, европейской культуры и рациональности. Мы, как европейцы, мним себя, свою цивилизацию, выше других, полагают конструкционисты, и поэтому считаем, что наше понимание мира и сознания правильное, а, следовательно, правильно именно такое и никакое иное понимание субъекта как то, которое дано в классической европейской философии. Обвинение в европоцентризме в данном вопросе, несомненно, имеет под собой основания, однако не стоит полагать, что означает, что *Я* было исключительно «придуманно» европейцами. Мне представляется, что *Я* все же было «придуманно» природой, что наши слова о *Я* описывают определенный опыт, характерный представителям любой культуры. Культурой же лишь формируется то, каким именно образом мы описываем определенные состояния нашей психики, относящиеся к самосознанию. Несомненно, *Я* не является какой-либо самостоятельной субстанцией, однако его значимость для нашего опыта – как внутреннего, так и внешнего, не становится от этого меньше. *Я* как «точка отсчета», из которой исходят разные интенции и в которой мы «стягиваем» разные сюжеты своей жизни необходимо для нашего выживания, в независимости от того, какими способами мы описываем этот феномен.

Если мы отрицаем наличие подобного опыта, универсального для всех людей, то мы приходим к существенному кризису. Причины этого кризиса лежат в том, что, отказываясь от классического «европейского» понимания субъекта, мы отказываем человеку в ответственном и рациональном

поведении. А, утверждая, вслед за конструкционистами, что, к примеру, у представителей восточных культур отсутствует индивидуальное Я или отсутствует личность, мы полагаем, что имеем дело с коллективистским тоталитарным обществом, больше всего похожим на муравейник, в котором каждая отдельная личность (поскольку у нее нет своего Я) не имеет ни ценности, ни смысла. Такая картина несет в себе большую опасность, поскольку человек, у которого якобы отсутствует Я, представляется человеку западной культуры не-человеком или не совсем человеком, и, следовательно, возникает нравственная возможность относиться к нему не как к человеку, игнорируя его неотъемлемые человеческие права. Таким образом, мы отрезаем себе путь к взаимопониманию и диалогу с представителями других культур.

К этой же проблеме мы приходим, рассматривая социально-конструкционистский подход к научному познанию. Главный вопрос в спорах о реальности, скрытой за пеленой социокультурного контекста, на мой взгляд, выходит за пределы эпистемологии и философии науки и становится вопросом взаимопонимания между людьми – представителями разных наций, культур, традиций, политических лагерей и т.д. Релятивистский подход социального конструкционизма, настаивающий на том, что каждому необходимо дать «право голоса» для научного высказывания, не упрощает, а усложняет процесс научного творчества. Подобное равноправие тормозит научный поиск, поскольку лишает его общих целей. Б.Латур верно отмечает, что «Хакинг понял, почему споры вокруг правильного соединения реальности и конструкции нагнетают столько страстей — по характеру своему они являются политическими. Прикрываясь эпистемологическими проблемами, они на самом деле посвящены вопросам совместного существования». Это вопросы о том, как мы можем взаимодействовать с людьми, которые, в силу языковых, культурных, религиозных и прочих различий мыслят иначе чем мы? Если мы признаем, что каждый из нас живет в своей социально сконструированной реальности, то мы обречены каждый жить в своей платоновской пещере. Единственным путем к взаимопониманию лежит единство мира, в котором мы живем, единство реальности объектов и событий, которые нас окружают. Для описания подобного единства необходима реалистическая позиция.

И для того, чтобы понимать друг друга в более сложных вопросах, мы должны сначала попытаться согласиться о реальности самых простых вещей. Тех самых, которые, по верной формулировке того же Латура, «дают отпор». Если я пну ногой камень, я почувствую, что моя нога столкнулась с чем-то твердым, и то же самое почувствуете и вы, и представитель любой другой культуры. Отсюда начинается наш путь к взаимопониманию. Для того, чтобы это взаимопонимание было продуктивным, я полагаю необходимым сохранить понятие субъекта, поскольку диалог, ведущий к взаимопониманию, начинается там, где есть как минимум два субъекта, готовых в него вступить, не взирая на различия их социально сконструированных миров.